

Опыт полевой исследовательской и собирательской работы в сингальской среде в XXI в.

Н. Г. Краснодембская

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Для цитирования: Краснодембская Н. Г. 2023. Опыт полевой исследовательской и собирательской работы в сингальской среде в XXI в. *Вопросы музеологии* 14 (2): 214–228.
<https://doi.org/10.21638/spbu27.2023.206>

Сингалы (около 20 млн чел., основное население Шри-Ланки) — это древний народ, обладающий богатым и оригинальным комплексом культуры, изучение которой остается интересной и актуальной задачей. В статье сосредоточено внимание на опыте полевых исследований в сингальской среде в 70–80-е годы XX в. и более подробно — в XXI в., когда были организованы три экспедиционные поездки в Шри-Ланку (в 2009, 2013 и 2014 гг.). Если в первую поездку автор стремилась обновить свои впечатления и ликвидировать некоторые лакуны, не заполненные в XX в., то позже наиболее интересным казалось выявить новации в быту, материальной культуре, настроениях людей, если они появились. Поставлены (отчасти в сотрудничестве с коллегами из Российского этнографического музея (РЭМ) и Государственного Эрмитажа (ГЭ)) более конкретные цели: в 2013 г. — сбор свежих материалов о положении веддов, потомков автохтонов острова; в 2014 г. — основательное знакомство с традиционным ремесленным производством у сингалов, чему способствовало появление в Шри-Ланке интересных для этнографа *новинок* — особых оригинальных локаций для изучения и популяризации народной культуры и быта сингалов — музея «Апе гама» (*Наша деревня*) и эколого-этнографического центра «Гама гедара» (*Деревенский дом*). Отмечена важная роль ученых сингальских коллег (историков, археологов, филологов, культурологов) и некоторых буддийских монахов. В заключительной части статьи показано, как в современном ремесле сингалов уживаются традиции и новации (на примере экспонатов, подаренных автором МАЭ).

Ключевые слова: история МАЭ, этнографическая индология, этнография и культура Шри-Ланки, сингалы, традиционные ремесла, полевая работа.

Сингалы (около 20 млн чел.), составляющие основное население островного государства Шри-Ланка, — древний народ, обладающий оригинальной культурой, сложившейся в результате особенного пути исторического развития. Официальный язык — *сингальский* (в родстве с такими северо-индийскими языками, как хинди, маратхи, бенгальский и др., но не может быть причислен ни к одной из близкородственных их групп). Сингалы исповедуют буддизм южной ветви — *хиняну*, или *тхераваду*; это государственная религия Ланки с III в. н. э.

Предки сингалов были историческими выходцами из северных областей Южной Азии. До середины I тыс. до н. э. они проживали в северо-западном крае Индостана и там, вероятно, имели связи с разнообразными соседними народами. Пере-

селяясь и переселившись на остров Ланку, они соседствовали и взаимодействовали с народами Индии, и южной, и северной. И все же, составляя часть оригинальной южноазиатской/индийской цивилизации, сингальская культура является ее подтипом, отличаясь заметным своеобразием. Остров Ланка лежит на пересечении важных мировых морских путей, и сингальское государство с древности вовлекалось в контакты со многими народами мира — от Европы и Африки до стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, а то и Тихого океана. На судьбах ланкийских народов сказались и влияние арабского и персидского миров. Особый период в истории составила эпоха европейской колонизации острова с XVI до середины XX в. Иногда мы встречаемся в сингальской культуре с такими феноменами, которые были заимствованы у чужих народов и сохранены, тогда как народом-спонсором они давно забыты. Изучение культуры и этнографии сингалов остается интересной и актуальной задачей.

Интерес у автора к названному народу возник еще в студенческую пору: изучая сначала язык сингалов, а затем и этнографию вслед за русскими учеными-востоковедами И. П. Минаевым и А. М. и Л. А. Мерварт¹, я глубоко поняла всю важность полевой работы в этнической среде этого далекого от России восточного народа. Потому попытки подобной работы начала, обратившись за поддержкой к гражданам Шри-Ланки, жившим в Ленинграде.

С конца 60-х годов XX в. в нашем городе образовалось и заметно разрасталось землячество студентов и аспирантов из Шри-Ланки (бывшего Цейлона). Они были укоренены в своей культуре и могли сообщить немало ценнейших сведений о жизненном укладе, религиозной практике, народных ремеслах и искусствах сингалов. Они даже дарили некоторые предметы в коллекции МАЭ, где я работаю с 1965 г., — так сильно было их желание познакомить заинтересованную начинающую исследовательницу с основами своей культуры. Нередко, уезжая на каникулы домой, мои друзья возвращались с подарками — сувенирами, характерными этническими предметами, информативными буклетами, фото, вплоть до газетных вырезок. В то время завязались связи с сингалами по переписке — обычно с родителями или другими родственниками учащихся. Эти отношения часто были для них первыми живыми контактами с представителями другой культуры.

Ко времени моей первой поездки Шри-Ланка как раз перестала быть колонией и доминионом Великобритании, обрела статус социалистической, демократической республики. Мне уже удалось защитить кандидатскую диссертацию по грамматике сингальского языка, а в Шри-Ланке приобрести некоторых заочных знакомых из местных ученых, преподавателей прославленных университетов. В Ленинграде под моей опекой работали два сингальских аспиранта: один (на кафедре этнографии исторического факультета ЛГУ) изучал социальные отношения в среде своего родного народа, другой сопоставлял грамматические конструкции сингальского и русского языков на филологическом факультете ЛГУ. Они также являлись очень ценными информантами по многим аспектам сингальской культуры.

Первая встреча со Шри-Ланкой состоялась в конце 1979 — начале 1980 г., была она продолжительностью в месяц. Хотелось охватить все, и я прямо заглатывала информацию. Тогда удалось побывать во многих районах страны (за исключением

¹ Краснодембская, Котин, Соболева, 2017; 2018; Краснодембская, 2016; 2017; 2018а; 2018б; 2020.

севера и юго-востока — из-за обострения межэтнических отношений и из-за молодежных бунтов), посетить три исторические столицы острова, присутствовать на ряде религиозных и ритуально-магических мероприятий. А главное — напрямую наблюдать традиции быта, способы жизнедеятельности, поскольку жила я в тот раз только в местных семьях, в гуще жизни, не поселялась в гостиницах.

В 1988 г. удалось провести на острове три месяца. В этот раз можно было уделить значительное время для работы в библиотеках, читать прессу; посетить новые культурные комплексы, в частности на востоке страны; наблюдать интереснейшее праздничное шествие — *перахьяра*; при поддержке посольства присутствовать на некоторых государственных мероприятиях. И конечно, как и в первую поездку, было большое желание собрать свежие коллекции, ремесленные и бытовые. Заранее изучив коллекции МАЭ, получив определенные знания от студентов и аспирантов из Шри-Ланки и попав в эту страну, я, как и Мерварты, начала с ознакомления с разделами ремесла, искусства и быта Национального музея в Коломбо (основан в конце XIX в.). Там содержится богатое собрание культурных раритетов Шри-Ланки. В 1988 г. удалось получить постоянный доступ в музей (от тогдашнего директора музея Телмы Гунавардена) и поработать там. Так или иначе и в 1980 г., и в 1988 г. привезла для МАЭ некоторые экспонаты, чтобы дополнить или оттенить уже имеющиеся в музее коллекции.

В XXI в. удалось трижды побывать с экспедиционными поездками в Шри-Ланке — в 2009, 2013 и 2014 гг. Ждала полевая работа в различных аспектах: надо было ликвидировать некоторые лакуны, что остались с XX в.; посетить ранее недоступные места и учреждения; выявить новации в быту, материальной культуре, настроениях людей, если они появились. К счастью, национальный характер доброжелательных и приветливых сингалов сохранился, несмотря на тяжелые события (долгая гражданская война, межэтнические противоречия, губительное цунами и немало житейских трудностей). Все же на мою долю снова досталось множество добрых улыбок. Появились новые друзья среди ученых — сингальских коллег (историков, археологов, филологов, культурологов), заметная помощь которых была и бескорытна, и бесценна. Оказывали поддержку духовные служители — буддийские монахи (давали консультации, помогали посетить те или иные обряды, изучить пространства монастырей, познакомиться с укладом монашеской жизни). И, хотя это не стояло во главе целей командировки, хотелось осуществить хотя бы небольшие коллекционные сборы.

Среди *коренных* ремесел у сингалов — керамика, плетение² и резьба по дереву (последнее ремесло испытало влияние европейской культуры); но ткачество развито мало. Ремесленные профессии — занятия кастовые: у сингалов прижилась индийская кастовая система, но менее жесткая, и число каст достигает немногим более 20. Члены одной касты живут компактно, навыки ремесла передаются из поколения в поколение практически, наглядным образом. Дом ремесленника нередко совмещается с мастерской и торговой лавкой. Или создаются отдельные легкие павильоны возле дорог, где ремесленные изделия выставляются на продажу. В народе знают, где и какие мастера наиболее умелые, где и какие предметы стоит покупать. Я обращалась за помощью к друзьям, и они помогали побывать в полезных местах.

² Краснодембская, 2015а.

Одни предметы покупались в деревнях, другие — на *торговых улицах*. После обретения страной независимости ремесло стало поддерживаться государством, в частности к 1970-м годам была организована системная торговля предметами ремесла, искусства через магазины народных изделий «Лаксала».

Итак, благодаря новым знакомствам удалось совершить путешествия в новые места: наконец я попала в те районы, которые в прежнее время были недоступны для посещения, — в северные районы, тамильские поселения. Побывала на юго-востоке страны, в частности в храмах богов-покровителей Катарагамы и Самана, а также в музее-усадьбе Мартина Викрамасинхи (1890–1976), сингальского мыслителя, писателя, знатока и популяризатора сингальской культуры. Его можно описать как нечто среднее между Ломоносовым и Горьким для Ланки. Побывала и в других старинных усадьбах сингальских знатных или образованных людей и смогла оценить их этнографическую информативность. В усадьбе М. Викрамасинхи имеется очень интересная коллекция национальных колесных средств передвижения. Эту тему интересно поднять как особую — такая мысль запала в душу еще в 1988 г., когда в Национальном музее я увидела интереснейший экспонат: копию стенной росписи, на которой был изображен аристократический персонаж (судя по костюму). Он стоя передвигался на небольшой колесной платформе, отталкиваясь от земли подобием весла. Увы, предмет был расположен у самого пола, недоступен для фотографирования теми средствами, которые у меня тогда имелись, и не сопровождался никакой информацией. Во время следующих посещений музея этого предмета обнаружить не удалось.

В 2013 г. одной из центральных задач экспедиционной поездки были сборы материалов о современном социальном и культурном положении веддов (племени потомков древнейших жителей острова). Эта задача решалась совместно с младшей коллегой, сотрудницей Российского этнографического музея Татьяной Александровной Зиминой, которая изучала веддов с поры своего студенчества на кафедре этнографии исторического факультета ЛГУ. Нам удалось встретиться с наи-

Рис. 1. У вождя веддов: завершение встречи

более сведущими в этой теме учеными, изучить материалы музеев Шри-Ланки, приобрести новейшие публикации на сингальском и английском языках, а также побывать у самих веддов, получив аудиенцию у вождя (рис. 1), и познакомиться с первым (и пока единственным) ученым из веддской среды³. В 2014 г. была поставлена цель — ближе познакомиться с традиционным ремесленным производством у сингалов, глубже проникнуть в особенности их труда и быта. Для решения задачи мы объединили усилия с Ириной Всеволодовной Калининой, археологом из Государственного Эрмитажа. У нас совпало желание уточнить ряд технологических особенностей труда сингальских керамистов, резчиков по дереву и др. И ждали нас активная работа в музеях, посещение известных центров того или иного ремесла, знакомство с семьями ремесленников, поиски литературы. Позже удалось осуществить некоторые публикации⁴.

Хочется остановиться на такой особенности, как появление в Шри-Ланке в XXI в. интересных для этнографа новинок — особых локаций для изучения, демонстрации и популяризации народной культуры и быта сингалов — специфического музея «Апе гама» (*Наша деревня*), музея керамики и эколого-этнографического центра «Гама гедара» (*Деревенский дом*). В Музее керамики (рис. 2) одновременно с выставочным комплексом действует мастерская с определенным штатом ремесленников. Музей получает государственную поддержку. В залах представлены разнообразные типы изделий, манекены мастеров демонстрируют весь про-

Рис. 2. Музей керамики

³ Зими́на, 2014; 2015; 2016; 2019; 2020; 2021.

⁴ Краснодембская, Калинина, 2015.

Рис. 3. Музей «Наша деревня». Сингалка готовит карри

цесс изготовления керамики, в том числе обжиг предметов. Работа идет постоянно, и накапливаются предметы для продажи. Очевидно, это семейный бизнес, по крайней мере, часть штата — члены той или иной семьи. В экспозиции помещаются даже фото (а иногда и глиняные скульптуры) предков ремесленников.

Интересен музей под названием «Наша деревня». Часть экспозиции находится под крышей: так хранятся наиболее ценные и старинные предметы сингальского быта и культуры. Здесь представлена старинная мебель, манекен торговца-разносчика с типичным коромыслом на плечах (этот старинный способ торговли жив в сингальском обществе до наших дней); скульптурные изображения веддов в типичных одеяниях и с соответствующими аксессуарами. В одной сценке сингальский крестьянин просит цыганку предсказать ему будущее. В другой — бычок везет небольшую цистерну с питьевой водой и т. д.

Другая часть территории — музей под открытым небом, расположенный на типичном ландшафте, где организованы блоки с характерными для деревенского быта сингалов сценами и строениями, — жилища простых земледельцев, старосты, деревенского лекаря, более или менее зажиточного селянина, а также хозяйственные приспособления, утварь и т. п. Частью в сценах представлены глиняные манекены. А частью в них участвуют люди: они в традиционной деревенской одежде, за традиционными бытовыми делами (пекут лепешки, готовят специи для карри, стирают и сушат белье и т. п.) (рис. 3). Манекены бывают такими, что их принимаешь за живых людей. Так, на площадке, где был показан ток для обмолачивания риса (с быками и людьми) (рис. 4), я не сразу поняла, манекен передо мной или живой крестьянин, который, заметив это, заулыбался, а потом в доказательство своей одушевленности пропел пару песен тока, которые поют сингальские крестьяне (а на току работают только мужчины), подгоняющие быков, вытаптывающих рисовые колосья.

В музейных залах открыты магазины (варианты «Лаксала»), где можно купить изделия ремесла и народного творчества ланкийцев.

Своеобразен центр «Гама гедара» (Деревенский дом). Это комплекс, где выполняется целый ряд задач: учетно-хранительская — собираются старинные бытовые

Рис. 4. Музей «Наша деревня». Изображение деревенского тока

Рис. 5. Центр «Деревенский дом». Старинные предметы быта сингалов

этнические предметы — раритеты и образцы для воспроизведения (рис. 5); *просветительская* — распространяются знания о традиционной культуре сингалов; *практического обучения* — приглашаются желающие получить знания и навыки в том или ином ремесле, для обучения музей разыскивает особых умельцев; *креативная* — для развития творческих инноваций здесь работают сотрудники с соответствующим образованием. В центре пропагандируют экологически правильное поведение, в том числе через призыв употреблять не современные промышленные изделия, которые засоряют природу, а традиционные, легко утилизируемые, даже самоутилизируемые предметы: керамические, плетеные, деревянные. На территории комплекса выращивают растения, которые используют для изготовления тех или иных изделий, например разные тростники.

Сингалы любовно относятся к своей старине, для них слова «деревня», «деревенский» — теплые, живые, радующие душу. У моих друзей даже один из сыновей имеет имя Гамика (букв. *деревенский*).

Надо признать, что в местном обществе все еще играют роль воспоминания о колониальном прошлом, поэтому обращение к традициям для сингалов символизирует их национальную независимость. В *деревенской ностальгии* проявляется и то, что, в отличие от других народов Южной Азии, которые считают время циклическим, сингалы обладают понятием линейного историзма (у них, в частности, существуют древние хроники). Поэтому они сохраняют живой интерес к собственной истории и культуре разных времен.

Удалось приобрести некоторые интересные предметы для МАЭ, часть их я весной 2023 г. передала в отдел учета и хранения. По материалу это тростниковое и иное плетение, костянка кокоса, дерево и керамика. Часть предметов была приобретена за свой «типичный, традиционный вид», а часть, наоборот, — за очевидные новации. Некоторых предметов ранее не было в собраниях МАЭ, хотя в целом сингальские коллекции составляют в музее заметную и информативную часть.

Плетение, пожалуй, самое характерное из традиционных ремесел сингалов (рис. 6). Плетеные изделия неотъемлемы от их домашнего, религиозного, праздничного быта: их используют и в кухне, и в гостиной, и в монастыре, и в храме богов-покровителей, и в ритуальном антураже, и в праздничном пространстве⁵. Сингалы любят плетеные предметы, учатся с детства основам этого ремесла. Любой мальчишка соорудит из пальмового листа воздушного змея, почти любой ребенок покажет, в чем принцип процесса плетения. Есть предметы, которые являются символами сингальского домашнего уюта: плетеная веялка, сумка для похода на рынок, подносик для цветочных приношений в монастырь или храм, жесткий коврик из кокосового волокна у входа в помещение — чтобы обтереть босые ноги. Излюблено и дерево. Меня восхищает разнообразие узоров решеток, которыми закрывают отдушины между стенами и крышей (рис. 7).

Некоторые из подобных предметов я приобрела для музея специально, чтобы показать, что они до сих пор в активном обиходе.

Плетеные предметы

1. Веялка ручная (*удялла*) — типичный предмет домашнего и сельскохозяйственного обихода сингальского крестьянина, используется для очищения риса от

⁵ Краснодембская, 2015b.

Рис. 6. Придорожная лавка плетеных изделий

Рис. 7. Резные решетки для вентиляционных пространств

шелухи после обмолота. Может послужить и своего рода посудой во время приготовления еды. Предмет в ходу в повседневной жизни, приобретен как свидетельство его широкого распространения и в начале XXI в. Учтем, что в коллекциях МАЭ присутствуют и более старые образцы этого типа. Данный предмет, похоже, не меняется.

2. Традиционная хозяйственная сумка *мáлла* (некогда предмет абсолютно обязательный в каждом доме) сплетена из полосок камыша двух цветов — натурально-желтовато-бежевого и фиолетового; узор характерный — косая клетка. Сумка не имеет отдельно сплетенного донышка, вместо него — просто сгиб, так что предмет выглядит плоским. Основная часть сумки имеет трапециевидную форму, слегка расширяясь книзу.

3. Сходный предмет, но демонстрирующий некоторые новации, заимствованные из европейской культуры, — сумка с отдельным, пришитым к боковинам овальным донышком; изнутри оформлена тканевой подкладкой светло-зеленого цвета, с отдельной подкладкой для донышка. Ткань прикреплена к плетеным частям с помощью клея, а по верхнему краю еще и пришита. Имея прежнюю трапециевидную форму, сумка шире в верхней, а не в нижней части. В основном плетении видим полоски, окрашенные не только в традиционный фиолетовый, но и в зеленый цвет.

4. Приобретены и совершенно новые обиходные предметы: плетеные дамские сумочки необычных форм (в виде рыбки, смайлика и др.) для современных сингалских модниц (называют сумки *бягая*, от английского *bag*). Часто изделия снабжены отдельными кармашками и застежками на молнии.

Новинки: коробочка для украшений в форме сердца и с подобной же крышкой с прозрачным верхом (я встречала похожие французские изделия, только из металла и стекла); попался на глаза ёршик европейского образца для мытья посуды, но из жесткого волокна кокосового ореха.

5. Среди плетеных кухонных принадлежностей по-прежнему наличествуют *подносы/тарелки*, коробки с крышками. А вот совершенно оригинальный предмет — плетеная чаша для съестных подаваний монахам — *пáтра*, или *пáತ್ರ*. Обычно этот предмет делают из дерева или тонкого легкого металла, исторически — из костянки кокоса. Представленный экспонат — яркий пример творческой фантазии сингалов.

6. Впервые удалось приобрести для музея традиционный оберег на счастливый урожай (по-сингалски — *карáльпядура*). Обычно он вывешивается на стене дома, может быть и внутри, и снаружи. Сплетен из уплощенных стеблей риса, частично натурального цвета, частично окрашенных в фиолетовый цвет.

7. Приобретены две традиционные циновки (все еще обязательная принадлежность дома). Сингалы любят спать или заниматься приготовлением еды или ремеслом, лежа или сидя на полу, на циновках-подстилках. Одна из циновок попроще. Сплетена, как положено, из полосок тростника натурального и фиолетового цвета. Общее впечатление от орнамента — множество полос и квадратов, заметно отличающихся друг от друга внутренними узорами. В каком-то смысле циновка представляет собой учебное пособие по плетению этих разнообразных узоров. Вторая сложнее — прямоугольной формы, украшенная по периметру треугольными зубчиками. По длине изделия зубчики окрашены в фиолетовый цвет, по ширине —

в желтый (натуральный). На основном поле сверху — сложная композиция с включением четырех растений, похожих на цветущие побеги, и крупного изображения ананаса (*анна́сигедия*, плод ананаса). Ниже по центру расположены два крупных ромба, каждый с делениями на сектора с разными узорами. Похоже, общий смысл узоров — цветущий, плодоносящий участок земли. В этом проявляется творческий замысел автора изделия.

8. Представлены отсутствовавшие до сих пор в МАЭ оригинальные предметы из разряда театральных аксессуаров: барабанные палочки. Основа каждой сделана из изогнутого тонкого побега бамбука (видимо, при изготовлении он был еще зеленый). Ручка прямая, а ударная часть В-образной формы (в целом напоминает лорнет на длинной ручке).

Предметы из костянки кокоса

1. Кухонная ложка, употребляемая в процессе приготовления пищи (для наливания, насыпания, помешивания) — маленькая лопасть (черпачок) на длинной ручке. Черпак изготовлен из костянки кокоса, которая снаружи слабо обтесана. Предмет приобретен, чтобы показать его употребительность в наше время, а также для сопоставления с аналогичными экспонатами из более ранних коллекций.

2. Новые по форме предметы из той же костянки кокоса: чашечки (6 штук), по виду напоминающие креманки на низкой ножке. Наружная поверхность изделий полирована.

Керамические изделия

1. Калагедия — кувшин для воды, обычно круглодонный; традиционный предмет сингальского быта. Употребляется для похода к колодцу или другому водному источнику. Используется для хранения воды. Имеет сугубо женскую магическую коннотацию. Данный экземпляр отличает современный признак — упло-

Рис. 8. Автор принимает от гончара подарок для МАЭ

ценное доньшко (что утилитарно явно удобнее), в остальном экспонат имеет традиционные пропорции и узор. Привезен для сопоставления с аналогичными экспонатами из более ранних коллекций. Любопытно также отметить, что данный предмет получен собирателем в пользу МАЭ от ремесленников-гончаров, работающих при Музее керамики возле Коломбо (рис. 8). Кувшин не мог быть использован в быту, так как при испытании обнаружилась скрытая трещина и он давал течь. Для музейного использования это не имеет значения.

2. Три оригинальных керамических ожерелья. Керамические ожерелья, приобретенные для МАЭ, безусловно, созданы под влиянием европейской моды и, думается, в основном на потребу европейского туриста. Традиционно сингалы/сингалки никогда не носили керамических украшений. Хотя у них нет такого брезгливого отношения к глине, как на севере Индии, но все же керамика и для них не вполне чистая (магически) субстанция. Чтобы как-то сгладить для потребителя (особенно внутреннего) все-таки существующее противоречие с традицией, ожерелье делается немного похожим на традиционные сингальские четки, которые чаще всего изготавливались из сандалового дерева.

Изделия из дерева

1. Расхожий предмет, равно привлекательный и для местного жителя, и для иностранного туриста, — настенное украшение в виде тарелочки из красного дерева с лotosовым узором. В центре (на доньшке) изображен раскрывшийся цветок лотоса (вид сверху), а на стенках слегка углубленной тарелочки — стилизованные лепестки лотоса (узор имеет высший магический статус). Интересен предмет еще тем, что внутренняя поверхность тарелочки покрыта тонким слоем лака (что не вполне традиционно).

2. Приобретены две (среднего размера) модели традиционных сингальских масок: Гара-яки — сингальского демона, домового, защитника людей — и павлина, символическое значение которого в сингальском быту еще требует дополнительного изучения. Обе маски — из набора аксессуаров традиционных ритуально-театральных действ. Обе из трех частей: центральной — с *ликом* и головным убором — и двух дополнительных, изображающих уши персонажей. Обе маски деревянные, раскрашенные, имеющие индивидуальные особенности в передаче основных черт персонажей. Приобретены они для сравнения с уже имеющимися в МАЭ подобными экспонатами.

3. Еще предмет, которого пока не было в коллекциях МАЭ, — модель реликвария в виде ступы из красного дерева. Предмет состоит из двух частей — основания в виде круглой платформы и отделяемого от него *тела* ступы с *зонтиком*. Верхняя часть вставляется в нижнюю, внутри имеется полость. Дерево полировано. Обращает внимание тщательная отделка дерева — обточка, полировка. В принципе, этот предмет может быть использован и в качестве реликвария как такового, хотя в настоящее время их предпочитают изготавливать крупнее размером и из прозрачных материалов.

Всего в данной коллекции около 50 предметов (около 40 номеров) хорошей сохранности и достаточно информативных. Они, безусловно, могут быть использованы специалистами в экспозиционной и научно-исследовательской деятельности. В целом после новых поездок можно сделать выводы о том, что сингалы бережно относятся ко многим традициям, веками сохраняют формы, материалы,

технологии при изготовлении этнически характерных предметов своей материальной культуры, но все же лишены косности и готовы к восприятию новаций, даже склонны к творчеству в этой области.

Литература

- Зими́на Т. А. 2014. Животный мир в культуре веддов. *Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме*. Родионов М. А. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН: 104–114.
- Зими́на Т. А. 2015. Лук и стрелы веддов: оружие охотников-собирателей. *Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии (Сборник МАЭ. Т. LXI)*. Родионов М. А. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН: 170–188.
- Зими́на Т. А. 2016. Духи умерших в представлениях и обрядовой жизни веддов (по материалам исторической этнографии и полевых наблюдений). *Зографский сборник 5*. Альбедиль М. Ф., Васильков Я. В. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН: 212–220.
- Зими́на Т. А. 2019. Ведды глазами сингалов: в прошлом и настоящем. *Этнография 4* (6): 58–72.
- Зими́на Т. А. 2020. Об особенностях традиционной пищи веддов. *Этнография 4* (10): 47–58.
- Зими́на Т. А. 2021. Ведды в современном укладе жизни Шри Ланки. *Венок из даров дружбы: сб. науч. ст. в честь М. Ф. Альбедиль*. Васильков Я. В., Оранская Т. И. (ред.-сост.). СПб.: Петербургское востоковедение: 125–142.
- Краснодембская Н. Г. 2015а. Плетение у сингалов (предварительное исследование по материалам коллекций МАЭ и полевым наблюдениям). *Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии (Сборник МАЭ. Т. LXI)*. Родионов М. А. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН: 123–141.
- Краснодембская Н. Г. 2015б. В буддийских монастырях Шри Ланки (о личных впечатлениях 1980–1988 и 2009–2014 гг.). *Материалы полевых исследований МАЭ РАН 15: сб. ст.* Федорова Е. Г. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН: 190–214.
- Краснодембская Н. Г. 2016. Об опыте полевой работы в сингальской среде. Часть I. Из уроков Людмилы Мерварт. Начало XX в. *Материалы полевых исследований МАЭ РАН 16: сб. ст.* Федорова Е. Г. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН: 337–355.
- Краснодембская Н. Г. 2017. Об опыте полевой работы в сингальской среде. Часть II. В Ленинграде. 70–80-е годы XX в. *Материалы полевых исследований МАЭ РАН 17: сб. ст.* Федорова Е. Г. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН: 213–233.
- Краснодембская Н. Г. 2018а. Об опыте полевой работы в сингальской среде. Часть III. Впервые в Шри Ланке. *Материалы полевых исследований МАЭ РАН 18: сб. ст.* Федорова Е. Г. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН: 148–161.
- Краснодембская Н. Г. 2018б. Шри Ланка: русские этнографы в памяти сингалов. *Три века российской этнографии: страницы истории*. Сирина А. А. (отв. ред.). М.: Наука: 347–356.
- Краснодембская Н. Г. 2020. В поисках этнографического факта (к особенностям традиций российской школы индологии в Петербурге). *Вопросы музеологии 11* (2): 275–289. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2020.211>
- Краснодембская Н. Г., Калинина И. В. 2015. О технологии изготовления сингальской керамики (по коллекциям МАЭ и полевым материалам). *Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии (Сборник МАЭ. Т. LXI)*. Родионов М. А. (отв. ред.). СПб.: МАЭ РАН: 199–211.
- Краснодембская Н. Г., Котин И. Ю., Соболева Е. С. 2017. И. П. Минаев как зачинатель и пропагандист российской этнографической индологии. *Азия и Африка: Наследие и современность: материалы XXIX Междунар. конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки*. Т. 2. Дьяков Н. Н., Матвеев А. С. (отв. ред.). СПб.: НП-Принт: 30–31.
- Краснодембская Н. Г., Котин И. Ю., Соболева Е. С. 2018. *Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг.: История. Коллекции. Научное наследие* СПб.: МАЭ РАН.

Статья поступила в редакцию 28 июня 2023 г.;
рекомендована к печати 15 октября 2023 г.

Контактная информация:

Краснодембская Нина Георгиевна — д-р ист. наук; nigekrasno@mail.ru

Experience in field research and collecting work in the Sinhalese environment in the 21st century

N. G. Krasnodembskaya

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences,
3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Krasnodembskaya N. G. 2023. Experience in field research and collecting work in the Sinhalese environment in the 21st century. *The Issues of Museology* 14 (2): 214–228. <https://doi.org/10.21638/spbu27.2023.206> (In Russian)

The Sinhalese people, the main population of Sri Lanka, have a rich and original culture, the study of which remains an interesting and urgent task. The author focuses on the experience of her field research in the Sinhalese milieu in the 1970s–80s and, in more detail, in the 21st century, when she made three expedition trips to Sri Lanka (in 2009, 2013 and 2014). Most interesting for her it seemed to uncover the possible innovations in everyday life, in material culture, in people's mood. In addition, the author (partly in collaboration with colleagues from the Russian Ethnographic Museum and the State Hermitage) achieved some specific goals. In 2013, it was the search for the latest data on the status of the Veddas, the descendants of the island's autochthons; in 2014 — a thorough acquaintance with the Sinhalese traditional handicraft production. This task was facilitated by the appearance in Sri Lanka of certain novelties interesting for the ethnographer — special original locations for studying and popularizing the Sinhalese folk culture and life, in particular, in the form of the “Ape Gama” Museum (*Our village*) and the ecological and ethnographic center “Gama Gedara” (*Village House*). The author also notes the significant assistance of her scholarly Sinhalese colleagues (historians, archaeologists, philologists) and some Buddhist monks. In the final part of the article, she shows how traditions and innovations coexist in the modern Sinhala craft (as visualized in the exhibits donated by her to the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS).

Keywords: history of the MAE, ethnographical Indology, ethnography and culture of Sri Lanka, traditional craft, fieldwork.

References

- Krasnodembskaya N. G. 2015a. Weaving by the Sinhalese (preliminary study by MAE collections and field observations). *Obrazy i znaki v traditsiiakh Iuzhnoi i Iugo-Zapadnoi Azii (Sbornik MAE. T. LXI)*. Rodionov M. A. (ed.). St. Petersburg: MAE RAS Publ.: 123–141. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G. 2015b. In Buddhist monasteries in Sri Lanka (about personal impressions in 1980–1988 and 2009–2014). *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN 15: sb. st. Fedorova E. G.* (ed.). St. Petersburg: MAE RAS Publ.: 190–214. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G. 2016. About the experience of field work in the Sinhalese environment. Part I. From Ludmila Meerwarth lessons. The beginning of XX c. *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN 16: sb. st. Fedorova E. G.* (ed.). St. Petersburg: MAE RAS Publ.: 337–355. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G. 2017. About the experience of field work in the Sinhalese environment. Part II. In Leningrad, 1970 and 1980 years XX c. *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN 17: sb. st. Fedorova E. G.* (ed.). St. Petersburg: MAE RAS Publ.: 213–233. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G. 2018a. About the experience of field work in the Sinhalese environment. Part III. For the first time in Sri Lanka. *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN 18: sb. st. Fedorova E. G.* (ed.). St. Petersburg: MAE RAS Publ.: 148–161. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G. 2018b. Sri Lanka: Russian ethnographers in the memory of the Sinhalese. *Tri veka rossiiskoi etnografii: Stranitsy istorii: sb. st. Sirina A. A.* (ed.). Moscow: Nauka Publ.: 347–356. (In Russian)

- Krasnodembskaya N. G. 2020. In search of ethnographical reality (regarding the peculiarities of the traditions of the Russian school of Indology in St. Petersburg). *The Issues of Museology* 11 (2): 275–289. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2020.211> (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G., Kalinina I. V. 2015. About the technology of the Sinhalese ceramics manufacturing (by MAE collections and field materials) *Obrazy i znaki v traditsiiakh Iuzhnoi i Iugo-Zapadnoi Azii (Sbornik MAE. T. LXI)*. Rodionov M. A. (ed.). St. Petersburg: MAE RAS Publ.: 199–211. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G., Kotin I. Yu., Soboleva E. S. 2017. Minaev as the initiator and propagandist of Russian ethnographic Indology. *Aziia i Afrika: Nasledie i sovremennost': Materialy XXIX Mezhdunar. Kongressa po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki*. Vol. 2. St. Petersburg: NP-Print Publ.: 30–31. (In Russian)
- Krasnodembskaya N. G., Kotin I. Yu., Soboleva E. S. 2018. *Expedition of MAE to Ceylon and India in 1914–1918: History. Collections. Scientific Heritage*. St. Petersburg: MAE RAS Publ. (In Russian)
- Zimina T. A. 2014. The animal world in Veddas' culture. *Bestiarii III. Zoomorfizmy v traditsionnom univerversume*. Rodionov M. A. (ed.). St. Petersburg: MAE RAS Publ.: 104–114. (In Russian)
- Zimina T. A. 2015. Bow and arrows by Veddas: the weapons of hunter-gatherers. *Obrazy i znaki v traditsiiakh Iuzhnoi i Iugo-Zapadnoi Azii (Sbornik MAE. T. LXI)*. Rodionov M. A. (ed.). St. Petersburg: MAE RAS Publ.: 170–188. (In Russian)
- Zimina T. A. 2016. The Veddas. Spirits of the dead in the representations and ritual life of Veddas (according to materials of the historical ethnography and field observations). *Zografskii sbornik 5*. Albedil M. F., Vasilkov Ia. V. (eds). St. Petersburg: MAE RAS Publ.: 212–220. (In Russian)
- Zimina T. A. 2019. The Veddas through the eyes of the Sinhalese: in Past and Present. *Ethnography* 4 (6): 58–72. (In Russian)
- Zimina T. A. 2020. About the peculiarities of traditional Veddas' food. *Ethnography* 4 (10): 47–58. (In Russian)
- Zimina T. A. 2021. Veddas in the modern way of life in Sri Lanka. *Venok iz darov družhby: sb. nauch. st. v chest' M. F. Albedil*. Vasilkov Ia. V., Oranskaia T. I. (eds). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ.: 125–142. (In Russian)

Received: June 28, 2023

Accepted: October 15, 2023

Author's information:

Nina G. Krasnodembskaya — Dr. Sci. in History; nigekrasno@mail.ru